

Владимир Кучерявкин

В саду

Да, это я здесь, в саду,
Где женщины на скамейках
Похожи на постаревших сирен
С тяжелыми головами,
Где мужчины, как темные птицы, проходят в траве,
И дети ровным светом горят, и в пламени этом
Слышится гул столетий.
Все говорят негромко, знакомо звучат голоса,
И будто бы все это — я.
Ворона чернеет в ветвях, и она беспределна,
Как и эта игра, продолжение смерти, твой голос,
Потерявшийся в тканях моей болезни.
Когда бы мы были мертвы, пробирались во тьме
И ощущали лишь то, что мертво!
Но утро медленно сходит сюда,
Где под ногами влажная бродит земля,
Всплывает трава из глубин потрясенных семян,
И мы ожидаем своей череды.
Сад проходит сквозь нас,
Тихими лапами пробужая наши сердца,
И больно цветом мы, про все позабыв,
Что сейчас перед нами.

Осеннее возникновение матери

1

Словно статуи летят в рамках бледных картин,
Белые и прекрасные.
Всматриваясь, узнаёшь отца и мать,
Они здесь, они летят рядом, о да, тихие и прекрасные.
Я иду по земле, осень, холодно,
Слякоть, похоже, проникает сквозь мокрую кожу ботинков,
И лишь деревья напоминают о том,
Что рядом они, отец и мать, здесь и всегда.

132

О чем-то шепчутся двое на скамейке.

Падает лист, парус, под которым мы опправляемся

В океан зимы,

И ты присмирела — слово «завтра»

Рождает агонию тухлую взгляда.

Так всегда с тех пор, как горит факел человеческого тела.

Они то приближаются, протягивая матовые руки,

То отлетают, как клубы дыма, а ты,

Ты хочешь лишь одного: смежнить глаза

И лица не отрывать от плеча моего.

2

Сегодня больше не будет витать над сознанием

Стороня дух беспокойный...

Черное тело пешехода вспыхнуло в подворотне,

Большие глаза звона плывут от угасающей башни

в темных водах деревьев.

Зеркало, настольная лампа и шкаф, унылый, как похоть

зимой, —

Все растворяется в серых волнах дремы.

Приляг — теперь уходим в пустыню неврастении,

Монотонным танцем рук провожая улетающий алкоголь.

Хоть глоток этих деревьев, чье шуршание так прохладно!

Плпиготок губ твоих горяч и тяжел.

3

Неподвижно тело твое, едва различимо дыханье,

Но слышно отчетливо дыханье звезд —

Мерной поступью они идут, пронося в небе наши судьбы.

Осень только что простилась с нами, теперь помни,

Под барабаны смеха надвигается белое лицо зимы,

Осень простилась с нами, теперь помни,

Голубиным крылом тебя накрывает холод.

Тонкими пальцами слепи нам под вечер дочь,

Мы петь ее станем, осторожно ведя голоса

в лабиринтах любви,

Мы наденем старые маски и, уходя, за собой развернем

Бесконечные волны безмолвия — так отмечается праздник

времени!

И дитя, высоко взвивая плач,

Распустится, как далекая воля, как небо, оголенное ветром

всесенним, —

Рождение, небо и воля...

Что останется там, в коконе протяженности,

Ветер, ветер запишет нас на своих покровках.

133

Стекло рассвета опускается, дробится, и осколки его
Облекают тающее сознание. Так было как-то на горе,
Давно упавшей в книги. — и губы мягкие поют моим губам
Старую песнь, знакомую песнь.

Так долго длится утро.

Так долго длится любовь.
Протяжный крик утра висит над просыпающимися домом,
Как сталь; и вот солнце, золотой кувшин, вливает в нас
Первые капли...

Когда ты погружаешь глаза свои в страх,

Я знаю: боги несовершенны, все, кроме тебя.

Мы все хотим жить, преступные, мясо,

И есть еще великопленный, как парус, день,

Уходящий холмами туда, где не смолкает смех.

Утром кожа сна сходит с трудом

И, будто в огне, сворачивается в слова:

Тесные сумерки...

Выгляни в окно — там, как всегда,

Над крышей кружит сумасшедшая птица.

Сидя на крыльце, вижу,

Как медленно уходит облако дня

И ночь восходит с востока, играя,

Как черное солнце в записках моего друга.

Он приходит в сумерках, медленно поднимаются

Его губы, ведя череду слов:

«Товарищи по плачу, взлетающему к небу белой птицей,

Танцоры, уставшие убежать от мучительной музыки сфер,

Когда черные ладони ночи опускаются нам на плечи,

Я влущу вас сюда, в пещеру памяти моей и песни,

Где качаются законы, старье, как матери,

Мы ляжем на пол, сладко пахнущий телом,

И станем слушать, как исторопливо приходит и уходит
жизнь».

Лишь на рассвете встает передо мной, слушающим,

Товжественная стена сна.

* * *

Там спит вода и заморозок бьет
в большие корни вялую траву,
там: иней ткёт морозную канву
и воздух белый по утрам поет.

Там жгут костры и вскапывают сад,
и комнаты протапливают впрок,
и никогда о той не говорят,
что послезавтра перейдет порог.

Там старый дом на языке земли,
протянутом к болотному ручью,
где воду пьют, теперь уже ничью,
стволы косые в солнечной пыли.

Там зреет жизнь, что будет после нас,
там детство прилегло на чердаке
и вспоминает тот короткий час,
когда судьбу я грел в своей руке.

И тихо шепчет белая струя
стекающих на голову небес,
что там, где небо, и вот этот лес,
и старый дом, — там родина моя.

* * *

День, как котенок, лакает из луж молоко
белого неба, налитого в блюде двора,
чья-то рука постучалась и в наше окно
звоном карнизов, капелью, гремящей с утра.

Окна раскроем и на паутинки лучей
вывесим душу провергнуться и посвежить,
грохотом льдин, перекличкой отважных грачей
сплшем в утиль зазевавшуюся смерть.